

Манфред Шруба (Бохум)
Писатель как моральная инстанция
(Максим Горький и «изъятие ценностей»:
об одном литературном скандале в русской эми-
грантской печати 1920-х годов)

Писатель в России обладает единственным в своем роде статусом. В компетенцию русских писателей входило в течение последних двух столетий не только их собственное дело — изящная литература, но и вопросы морального, общественного, мировоззренческого и политического характера. Не позже чем с тех пор, когда после восстания декабристов царь Николай I объявил себя личным цензором Александра Пушкина, авторитет выдающихся русских авторов распространяется далеко за пределы словесности.

Что русский писатель был всегда больше чем всего лишь писателем, закоренено в особенностях русской истории. В условиях царской автократии, правящей страной как личной собственностью, развитие институций формирования общественного мнения в России было принципиально связано с большими трудностями. Поэтому не удивительно, что эти институции в течение XIX столетия не были достаточно развиты. Книжное дело и печать были под полным контролем цензурных учреждений; немногочисленные университеты в стране держались на поводу и зачастую лишались автономии; вплоть до конца XIX века практически не существовало никакой университетской философии; скромные зачатки развития органов общественного самоуправления (земства в губерниях и уездах, в городах — реформированные городские думы) появились лишь в последнюю треть XIX века; деятельность объединений и обществ подвергалась строгим рестрикциям; политические партии и первые легальные организации формирова-

ния политического мнения появились в России лишь в начале XX века после революции 1905 года.

В отсутствии подобных общественных институций следует искать причину тому, почему их роль была возложена на русских писателей, и ими была принята. Именно они, в первую очередь, удовлетворяли потребность русского общества в интеллектуальных и моральных авторитетах; в ответ, русская общественность относилась к ним едва ли не с культовым почтением.

Как велико было это почтение, как велика была потребность в подобных «лейтфигурах», показывает наглядно возникновение такой, типичной для России, альтернативной формы общественности, как публичные похороны знаменитых писателей или художников. Особенно похороны прогрессивных личностей принимали регулярно форму многотысячных демонстраций. Начало этой традиции положили, по-видимому, похороны актера Александра Мартынова в 1860 г. в Петербурге. Год спустя, в 1861 г., «когда полчища людей собрались на похороны Добролюбова, стало ясно, что публичные похороны харизматических идеологов-мыслителей стали неотъемлемой чертой русской общественной жизни»¹. Черты массовых общественных демонстраций носили, в частности, похороны Некрасова (1877), Достоевского (1881), Тургенева (1883), Салтыкова-Щедрина (1889), Михайловского (1904), князя Сергея Трубецкого (1905), наконец Льва Толстого (1910).

Представление о писателе как моральной инстанции и мировоззренческом авторитете знаменательно для русского менталитета и в XX веке. Это особо заметно в эпоху советской диктатуры. Коммунистические «власть имущие» разделяли с царистским *ancien régime* убеждение в великой и потенциально опасной вне-литературной действенности художественного слова.

Знаменательным для этого понимания является особый статус писателей как профессиональной группы в Советском Союзе. Большевики относились с огромным уважением к могуществу писательского слова и к возможным общественным последствиям литературы, как в положительном, так и в отрицательном смысле.

¹ Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 46.

С одной стороны, советский режим пытался использовать унаследованный авторитет писательской профессии для собственных пропагандистских целей. Знаменательно в этом отношении крылатое слово Сталина 1932 года о писателях как «инженерах человеческих душ». В советские времена огромная армия приближенных к правящим кругам писателей осыпалась — взамен за политическую и идеологическую благонадежность — невиданными досель привилегиями. Кто смог попасть в официальный Союз писателей, тот был и финансово обеспечен. Апробированные советские писатели — это были едва ли не в буквальном смысле госслужащие, чиновники от литературы.

С другой стороны, советские власти опасались, конечно, того же могущества писательского слова. В Советском Союзе это привело к прямо-таки византийской системе цензуры и идеологического контроля литературных произведений, к паническому страху перед свободным внецензурным словом и к драконовским мероприятиям против авторов, избегающих государственного контроля, неважно — боролись ли они активно против коммунистической идеологии, как Солженицын, или занимались они литературой без государственного на это согласия, как Бродский, заклеянный тунеядцем и брошенный в тюрьму.

Максим Горький принадлежал в свое время безусловно к кругу русских писателей, обладающих на основе литературной славы великим личным авторитетом. Репутация Горького как моральной инстанции со временем отцвела. Случай Горького показывает, что авторитет писателя во внелитературных вопросах — это категория достаточно проблематичная.

Родившийся в 1868 г. самоучка из социальных низов Алексей Максимович Пешков опубликовал в 1898 г. в Петербурге свою первую книгу — двухтомное собрание «Очерков и рассказов». Горький мгновенно прославился своей книгой. В кратчайшее время он стал одним из популярнейших писателей не только России, но и Европы; его произведения переводились на многочисленные языки; тиражи его книг росли; литературные критики неистовствовали. Было установлено, что с 1900 по 1904 г. было опубликовано не менее чем 91 монография о Горьком; общий список кри-

тических работ о нем за этот пятилетний период насчитывает свыше 1860 названий².

О степени признания и почитания Горького в эти ранние годы свидетельствует следующий, характерный эпизод из жизни молодого еще, 34-летнего писателя. Речь идет о скандале, разразившемся в 1902 г. в связи с избранием Горького в члены «Разряда изящной словесности»³. Эта организация, основанная тремя годами раньше в 1899 г., должна была по образцу Académie française собрать под одной крышей наиболее знаменитых писателей страны, придав им статус почетных членов Академии наук. Когда еще в 1900—1901 гг. скончались два первоначальных члена и почетных академика (одним из них был философ Владимир Соловьев), возникла необходимость дополнительных выборов. Среди избранных писателей, которые должны были попасть на Олимп российских академиков, оказался и Максим Горький. Когда Николай II узнал о номинации автора, стоящего по поводу своих революционных устремлений под негласным надзором полиции, возмущенный царь оставил на рапорте об избрании Горького ироническую записку: «Более, чем оригинально»⁴. Царь Николай позаботился лично о том, чтобы Академия наук была вынуждена объявить почетное членство Горького недействительным, причем избравшие его другие академики не были об этом поставлены в известность. Это, впрочем, заставило двоих из них, Чехова и Короленко, выйти из состава академии (Лев Толстой, кстати, на этот шаг не решился).

К середине 1900-х гг. у Горького окончательно сложилось международное имя. Когда в январе 1905 г. в Петербурге произошли кровавые события, Горький был арестован как подстрекатель. Буря негодования, прокатившаяся по всему миру, принудила царский режим отпустить Горького вскоре на свободу.

Осенью 1905 г. Горький стал членом управляемой Лениным радикально-революционной партии большевиков РСДРП(б), но об этом тогда было известно лишь немногим. Летом 1906 г.

² Вайнберг И. И. Горький // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1989. Т. 1. С. 647.

³ См.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 175-176.

⁴ См.: Князев Г. А. Максим Горький и царское правительство // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 2. С. 33.

Горький предпринял путешествие в США, чтобы собирать деньги для партии и вести пропаганду против царского правительства. Результаты акции собирательства денег оказались весьма скромными — собрано было всего 10000 долларов пожертвований; тем не менее, путешествие прошло для революционеров успешно — благодаря пропагандистским усилиям Горького не состоялся кредит в объеме 500 миллионов долларов, в котором нуждалась Россия и который она надеялась получить в Америке. После того Горькому в ближайшие годы нельзя было вернуться в Россию; он перебрался в Италию, не в последнюю очередь — по состоянию здоровья; он приобрел особняк на Капри и лечил там свой туберкулез. Лишь в 1913 г., когда по случаю 300-летия династии Романовых в стране была объявлена политическая амнистия, Горький смог вернуться в Россию.

После Февральской революции Максим Горький основал в апреле 1917 г. газету «Новая жизнь», в которой он выступал как критик Временного правительства; после государственного переворота большевиков в октябре 1917 г. Горький сначала держался в стороне от своих старых партийных соратников и в своих «Несвоевременных мыслях» (как назывались его фельетоны) критиковал недочеты и эксцессы коммунистического режима, пока новые власть имущие не потеряли терпения и запретили газету в июле 1918 г. Гуманистический пафос статей Горького в «Новой жизни», вполне в духе оппозиционно-критической установки интеллигентов в царской России, немало усилил тогда его авторитет критического ума и моральной инстанции.

Размолвка Горького с большевиками не была, однако, продолжительной. Горький быстро аранжировался с советскими властями и с 1919 по 1921 год активно, хотя скорее скрытно, содействовал строительству большевистского государства.

В 1921 г. Горький снова покинул Россию; он перебрался сначала в Германию, а затем в Италию, где жил с 1924 г. близ Неаполя. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Горький многократно посещал СССР, пока в 1933 г. не вернулся окончательно в Советский Союз; в чудном особняке в стиле модерн на улице Качалова в центре Москвы он провел последние годы своей жизни вплоть до кончины в 1936 году.

Открытая поддержка Горьким «социалистического строительства» в сталинской России дискредитировала его в глазах основной массы русских эмигрантов. Остатки уважения у них Горький потерял, когда после своего возвращения в СССР он принял участие в книжном проекте по поводу экскурсии группы советских писателей на строительство Беломорканала — гигантского трудового лагеря, в котором буквально на костях десятков тысяч погибших там заключенных строился канал, связывающий Балтику и Белое море. Писательская экскурсия была увековечена в появившемся в 1934 г. в Москве под редакцией Горького иллюстрированном томе «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства»; в этом пропагандистском опусе приняло участие свыше тридцати писателей (в том числе Михаил Зощенко, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Алексей Толстой, Виктор Шкловский); в писаниях этих «инженеров человеческих душ» пропагандировалось перевоспитание заключенных посредством тяжелой физической работы и восславлялись доблестные чекисты. Сам Горький в экскурсии на Беломорканал участия не принимал. Известно, однако, что несколькими годами раньше он посетил лагерь на Соловках⁵.

Посещение — по заказу преступной власти — концентрационного лагеря, в котором заключенные уничтожаются посредством непосильной физической работы и недоедания, и последующее создание из этого пропаганды для режима — более глубоко пасть «совести народа» и моральному авторитету едва ли возможно.

Содействие Горького в создании книги о Беломорканале и его визит на Соловки достаточно известны, и не будем на них задерживаться. В центре нашего внимания стоит менее известный эпизод из его жизни, падающий на 1919—1920 гг. Одновременно это история из литературного быта русских эмигрантов первой половины 1920-х гг. — эмигрантского периода самого Горького задолго до его возвращения в Советский Союз. Вследствие ее впервые появились отчетливые царапины на «имидже» Горького как моральной инстанции. Речь идет о литературном

⁵ См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Центр «Новый мир», 1990. (Библиотека журнала «Новый мир»). Т. 2. [Ч. 3. Гл. 2]. С. 43—45.

скандале, вызванном статьей Зинаиды Гиппиус, опубликованной в 1924 г. в «Современных записках»⁶.

«Современные записки», выходявшие с 1920 по 1940 год в Париже (за 20 лет появилось всего 70 книг), были важнейшим литературным и общественно-политическим журналом первой волны русской эмиграции. На его страницах можно найти имена едва ли не всех сколько-нибудь значительных писателей и публицистов-эмигрантов; среди постоянных авторов были Бунин, Набоков, Алданов, Зайцев, Шмелев, Мережковский, Ходасевич, Адамович. «Современные записки» редактировались коллективом из пяти редакторов, принадлежавших к партии правых эсеров. По сути это было левобуржуазное, социалистическое (в сегодняшнем понимании — социал-демократическое) политическое движение, разумеется, со строго антикоммунистической установкой, как и большинство политических организаций русской эмиграции. Так как «Современные записки» обладали фактической монополией на рынке эмигрантских литературных журналов (по крайней мере тех, что платили авторам гонорары), также многие политически скорее консервативные писатели, как например Бунин, были вынуждены, скрежеща зубами, печататься у пятерки социалистов.

В январе 1924 г. появилась 18-я книга «Современных записок», в которой Зинаида Гиппиус под своим привычным псевдонимом (в качестве литературного критика) Антон Крайний опубликовала статью «Литературная запись: Полет в Европу». Статья представляла собой критический обзор находящихся вне России современных писателей. В поле зрения автора попал и Максим Горький. Главка о Горьком начинается со следующих слов:

<Большевики> <о>сновательно очистили Россию, поработали таки над «изъятием ценностей». Довели чистоту до того, что наконец и сами «изъятые» потянулись в Европу. Скучно, должно быть, стало. Непривычно. Говорить о них не буду, «ценностей» между ними очевидно нет, — скажу лишь об одном усердном «изъятеле» — Максиме Горьком⁷.

⁶ См.: Вишняк М. В. З. Н. Гиппиус в письмах // Новый журнал. 1954. Кн. 37. С. 189—190.

⁷ Антон Крайний [З. Н. Гиппиус]. Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 133—134.

Употребляя выражение «изъятие ценностей», Гиппиус подхватила актуальный политический лозунг: двумя годами раньше, 23 февраля 1922 г. Всесоюзный центральный исполнительный комитет СССР издал «Декрет об изъятии церковных ценностей». Данное мероприятие советского правительства, приуроченное к великому голоду, охватившему Россию в 1921 г., должно было якобы служить приобретению средств для борьбы с бедствием. В действительности большевики воспользовались катастрофой голода как поводом для разгромления и разграбления русской православной церкви⁸.

Максим Горький, переехавший из России в Западную Европу еще в октябре 1921 г., т. е. за четыре месяца до издания декрета, к данному мероприятию, по всей видимости, никакого отношения не имел. В этой связи использование злободневного и взрывоопасного выражения «изъятие ценностей» одновременно с именем Горького представляло собой полемический удар ниже пояса со стороны Зинаиды Гиппиус.

Данное выражение отметил первым П. Н. Милюков, редактор-издатель «Последних новостей», в отклике на вышедший выпуск журнала; в своей рецензии, опубликованной 31 января 1924 г. в его собственной газете, Милюков укорял Зинаиду Гиппиус в nepзпозволительном смещении литературы и политики⁹.

День спустя, 1 февраля 1924 г., в тех же «Последних новостях» появилась негодующая статья Семена Юшкевича, второстепенного прозаика, принадлежавшего до революции к «знаниевцам» — группе писателей реалистического направления, сплотившихся в 1900—1910-е гг. вокруг петербургского книгоиздательского товарищества «Знание». В своей статье Юшкевич писал:

Под флагом эстетики проводится контрабандно политика. И вот что пишет Антон Крайний в своей скудной, но крайне злобной статье о Горьком, одном из первых русских писателей, с именем которого связана новая по-

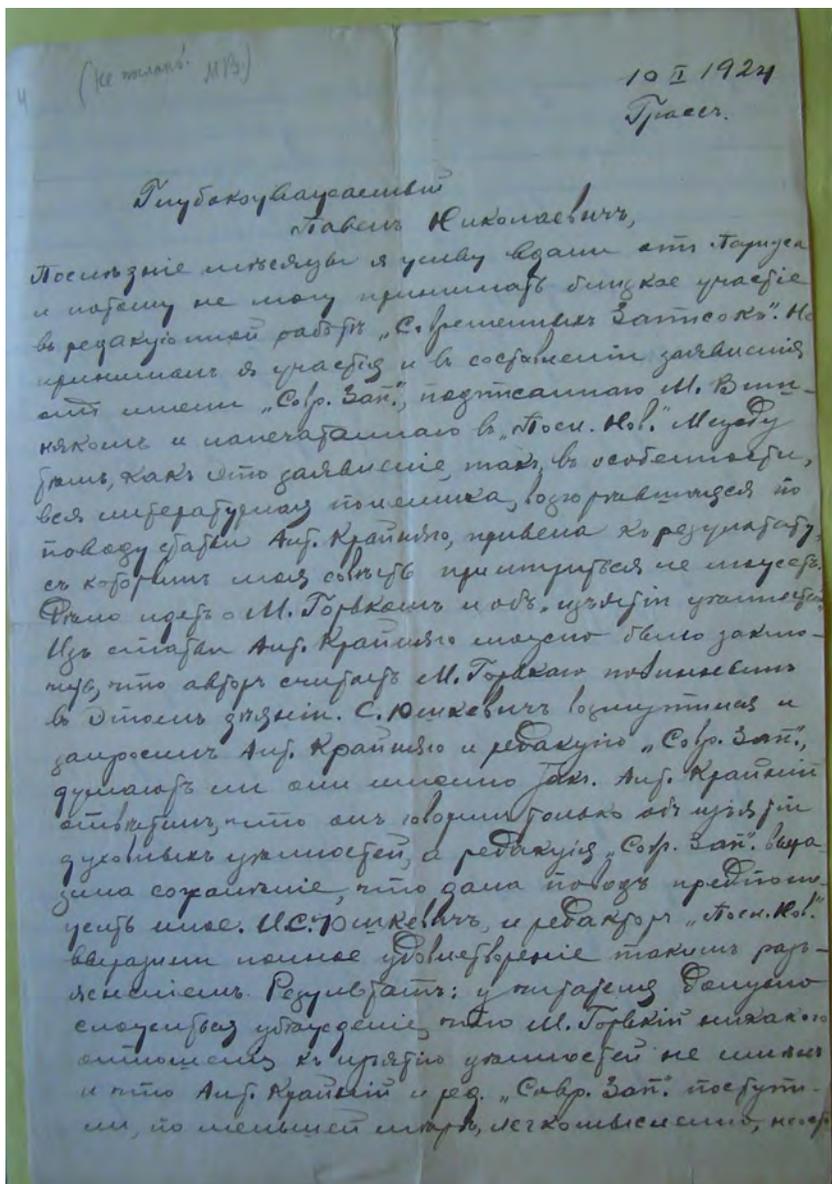
⁸ См.: *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг. // http://history.machaon.ru/all/number_01/pervajmo/1/part2/decret/index.html; *Mitzner P.* Rosja bez Cerkwi. Świętość do przetopienia // *Karta. Niezależne pismo historyczne.* 1995. Nr. 15. S. 5—27.

⁹ *П. М. [П. Н. Милюков].* «Современные записки», книга XVIII // *Последние новости.* 1924. 31 янв. № 1157. С. 3.

лоса русской литературы после Чехова, писателе не только русском, но и европейском:

(Затем Юшкевич цитирует пассаж из статьи Гиппиус, где говорится об «изъятии» ценностей», и продолжает:)

Отвечать Крайнему на это жестокое обвинение значит, хоть на минутку поверить ему. И потому отвечать я не буду. Но что думают об этом почтенные редакторы

6

и его оспаривает невозможно. По индивидуальным
причинам я не могу в газете указать на имя
ки, из кр. и гд. нао дтм е в з р и и т. Но, если вы
найдете музейный, лично Вами и мою
добавить неопровержимых доказательств
достоверности вышеизложенного.

Искренне преданный Вам

У. Бунаков.

«Современных записок»? Ужели они уж настолько уступили, что и этих строк не читали? Или, может быть, они читали и потому эти строки о помощи «изъятию» всяческих ценностей Горьким напечатали, что у них имеются неоспоримые доказательства тому. Мы хотим знать правду. Довольно легенды, довольно шепотов, намеков, инсинуаций, громких обвинений писателя, который нам дорог, и не только нам, а всей России¹⁰.

Юшкевич воспринял спорную формулировку Зинаиды Гиппиус об «изъятии ценностей» так, будто она обвинила Горького в грабеже; сама Гиппиус данное прочтение, вероятно, подразумевала, по меньшей мере, сознательно пошла на двусмысленность. «Неоспоримые доказательства» для такого утверждения писательница в это время едва ли могла привести. За своей двусмысленной инсинуацией она, по-видимому, спрятала мысль, что Горький принадлежал к кругу лиц, извлекавших из Октябрьской революции не только идеологическую, но и материальную прибыль. Именно в этом духе Гиппиус высказалась (по другому поводу) два года спустя в письме к В. Ф. Ходасевичу от 15 сентября 1925 г.:

Почему у Вас две мерки, для Горького, и для Розанова, и, главное, каковы эти мерки? Почему Розанов сам виноват, что голодал, — не хотел продавать свои коллекции, а Горький ни в чем не виноват, хотя не только не продавал свои коллекции, но в то же время усиленно пополнял их? Правдивее была, — тогда, — мерка, разделение, которого мы придерживались: на покупающих и продающих. Очень глубокое разделение, со смыслом. Что Горький принадлежал к первым — это уже не «слухи»: я видела собственными глазами не только продавцов, но и приспешников-комиссионеров (один из последних — Гржебин), и даже самые «вещи», которые Г<орький> торговал и покупал. Мне очень неприятно говорить об этом; да и вспоминать неприятно, как долго торговался Г<орький> со знакомыми мне стариками за китайский фарфор, и как признавался у нас один полячок из Публ<ичной> Библ<иотеки>, что несколько «надул» Г<орько>го с порнографическими альбомами, ибо «эти — пя-

¹⁰ Юшкевич С. Антон Крайний в «Совр. записках» // Последние новости. 1924. 1 февр. № 1158. С. 2.

ти-то тысяч не стоили, да он не понимает». Да и мало ли еще чего было!¹¹

Другой информацией, кроме как слухами и сплетнями подобного рода, Зинаида Гиппиус не обладала и в начале 1924 года.

Высказанный в статье Юшкевича упрек в адрес редакторов «Современных записок», что они безо всяких доказательств допустили в своем журнале клеветническое утверждение о Горьком, не мог остаться без ответа. Редакция оказалась в затруднительном положении еще и потому, что и писательница ожидала от редакторов, что они в этом конфликте будут поддерживать своего автора. В архиве «Современных записок» сохранилось соответствующее письмо Зинаиды Гиппиус к одному из редакторов, Марку Вишняку, от 1 февраля 1924 г. (напомним, в тот же день появилась статья Юшкевича):

Дорогой Марк Вениаминович, посылаю Вам сдержаннейшее из писем. И заверяю Вас всей моей столетней опытностью, что позиция, которую я заняла, самая выгодная и неприступная. Если же Вы начнете каяться и стучать лбом перед Юшкевичами, — подумайте, ведь Вы, во-первых, меня предадите (логически) и Вам (тоже логически) уже неудобно будет меня печатать, какая же это позиция — обещаться «лучше смотреть за мной!», а, во-вторых, Вы их покаяниями все равно не умилюстите. Мне же, в таком случае, придется защищаться самой, и выйдет просто печальная чепуха¹².

Тем не менее, ни у редакции, ни у Зинаиды Гиппиус не осталось другого выбора, как пойти на попятную. Пять дней спустя после статьи Юшкевича в тех же «Последних новостях» появился ряд соответствующих пояснительных заметок об инциденте. От имени «Современных записок» писал Вишняк:

Редакция выражает <...> сожаление, что, по ее недосмотру, в статье Антона Крайнего оказались слова об «изъятии всяческих ценностей», которые могли быть — и действительно были — истолкованы не как литературное су-

¹¹ Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiburger Sheikholeslami. Ann Arbor, 1978. С. 41.

¹² Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana. Vishniak papers. F. 44.

ждение, а как личная моральная квалификация критикуемого писателя. Такого рода квалификация не могла, конечно, входить в намерения ни редакции журнала, ни автора статьи¹³.

За заявлением редакции следовало выступление Гиппиус. Приведем отрывок:

Или, может быть, от меня требуется доказать, что Горький «изъятель» всяческих ценностей? Тут «доказательства» (все того же порядка, конечно) уж совсем под рукой. Ценности, изъятелем которых является Горький, перечислены в этой же самой моей статье. Проповедь Горького, писал я, освобождает человека «от любви, от нравственности, от имущества, от знания, от искусства, от красоты, от личности, от долга, от семьи, от всякой надежды, от всякой воли»... Если список этих моральных, религиозных человеческих ценностей кажется г. Юшкевичу недостаточным, или отвлеченным, или мои утверждения субъективными, — я назову еще одну ценность, над изъятием которой поработал Горький. Эта ценность называется *русский народ*¹⁴.

Итак, Зинаида Гиппиус спасла положение, придавая своей формулировке об «изъятии ценностей» по отношению к Горькому фигуральный смысл, а понятию «ценности» абстрактно-идейное значение.

В заключительной заметке высказался также издатель «Последних новостей» Милюков, объявивший инцидент ввиду имеющих разъяснений исчерпанным.

Представленный здесь литературный скандал не ускользнул от внимания исследователей русской эмиграции. В переказах конфликта до сих пор на этом месте ставилась точка; таким образом, вся история изображалась как случай злословия с последующим отречением со стороны замешанных лиц¹⁵.

¹³ [Вишняк М. В.] От «Современных записок» // Последние новости. 1924. 6 февр. № 1162. С. 2.

¹⁴ Гиппиус З. Н. Необходимые поправки // Последние новости. 1924. 6 февр. № 1162. С. 2.

¹⁵ Ср.: Ревякина И. А. Антон Крайний против М. Горького: Эпизод литературной дискуссии 1924 года // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н. В. Королева. М., 2002. С. 320—334.

В сохранившемся редакционном архиве «Современных записок» обнаружены документы, из которых следует, что вся эта история имела еще некоторое негласное продолжение. Характер этих документов позволил бросить свежий взгляд на фактическую основу данного инцидента.

Следует сказать еще два слова об особенностях редакционной работы в «Современных записках». В первой половине 1920-х гг. редакция состояла из пяти редакторов, проживающих отчасти в разных местах; если трое из них (Вишняк, Руднев и Авксентьев) жили постоянно в Париже, то четвертый (Гуковский) проживал в Берлине; пятый редактор, Фондаминский, проводил большую часть года в городе Грасс на юге Франции, где в то время жили многие русские эмигранты, в частности, Иван Бунин.

Во время изложенных выше коллизий Фондаминский находился в Грассе, далеко от французской столицы, и узнал о ходе инцидента лишь с задержкой. С приведенным выше заявлением (и фактически извинением) Вишняка от имени редакции он отнюдь не был согласен. Фондаминский написал открытое письмо, направленное издателю «Последних новостей» Милюкову, которое должно было быть опубликовано в этой газете как его личный взгляд на всю историю.

Однако прежде чем послать его адресату, Фондаминский отправил свое письмо Вишняку — к сведению и для передачи Милюкову. В своем сопроводительном письме от 12 февраля 1924 г. он объясняет, что его побудило написать открытое письмо:

Прилагаю письмо к Павлу Николаевичу для напечатания в «Посл<едних> нов<остях>». Я прошу тебя в экстренном порядке (1—2 дня), ибо оно и так запоздало, запросить редакцию, и, если она не наложит своего вето или единодушно не запротестует, отправить его Милюкову от моего имени с просьбой напечатать. Я очень надеюсь, что редакция не только не запротестует, но будет очень рада. Сам я не находил себе покоя, пока не решил написать письма, и буду чувствовать себя морально раздавленным, если мне придется отказаться от его напечатания. Так я был потрясен обществ<енным> реабилитированием Горького, когда заведомо известно его поведение в этом деле. Я взвесил в своем письме каждое слово, и оно писано с согласия Х. и одобрено им. Упомянуто

только то, что достоверно известно и что может быть лично засвидетельствовано. Разумеется, ответственность вся падает на меня, и редакция за мое письмо не отвечает¹⁶.

Упомянутый в письме «Икс» или «Ха» (в зависимости от того, читать ли этот знак как латинскую или кириллическую букву) — это тот «совершенно достоверный источник», на свидетельство которого Фондаминский опирается в своих утверждениях. Открытое письмо Милюкову датировано 10 февраля 1924 г. Сначала Фондаминский пересказывает ход событий, затем он продолжает:

Результат: у читателя должно сложиться убеждение, что М. Горький никакого отношения к изъятию ценностей не имел и что Ант. Крайний и ред<акция> «Совр<еменных> зап<исок>» поступили, по меньшей мере, легкомысленно, неосторожно обращаясь с добрым именем писателя. Между тем, на самом деле, это не так. Из совершенно достоверных источников мне известно следующее. Приблизительно в 1920 г. по инициативе и под руководством М. Горького в России была создана комиссия, задача которой заключалась в изъятии из советских учреждений находящихся там художественных ценностей (картин, старинных вещей и т. д.) и продаже их за границу. Вырученные деньги должны были составить золотой фонд для Советской власти. Разумеется, все эти ценности первоначально принадлежали частным лицам и были изъяты у них советскими учреждениями вместе с их квартирами. Комиссия имела несколько заседаний, рассылала свои отчеты ряду лиц и собрала много ценностей. Успела ли она вывезти эти ценности за границу и продать их там, мне неизвестно. Можно по-разному относиться к такого рода деятельности; можно даже считать её гражданской заслугой. Нельзя только отрицать одного: что такая деятельность имеет прямое отношение к изъятию материальных ценностей, производившемуся Советской властью. И нельзя отрицать того, что М. Горький к этой деятельности отношение имел — больше того, был ее вдохновителем. Факт этот известен в России многим лицам, и его оспаривать невозможно. По понятным причинам я не могу в газете указать источники,

¹⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

из к<о>т<о>р<ых> я черпаю эти сведения. Но, если Вы найдете нужным, лично Вам я могу доставить неопровержимые доказательства достоверности вышеизложенного¹⁷.

Парижских редакторов «Современных записок» Руднева и Вишняка совсем не обрадовала перспектива, что еле перенесенный неприятный конфликт будет подогрет новыми обвинениями; они, по-видимому, решительно протестовали против публикации открытого письма в газете. Письмо даже не было передано Милюкову.

Сохранилось еще одно письмо Фондаминского к Рудневу и Вишняку от 22 февраля 1924 г., в котором он выражает свое разочарование позицией своих друзей и соредакторов в этом деле, излагая в очередной раз мотивы, побудившие его написать открытое письмо:

Для меня вопрос стоит так. Большой русский писатель принял непосредственное участие в тяжких преступлениях против русского народа и всего человечества. И он должен нести полную ответственность за свои деяния. Можно судить его и найти смягчающие обстоятельства, можно даже простить его. Но *нельзя укрывать его и недопустимо доказывать или говорить такие слова, которые бы указывали, что он этих преступлений не совершал*. Если поступать так, тогда моральная атмосфера станет непереносимой и никакой здоровой жизни создать будет невозможно. Я ставлю Марку <Вишняку> вопрос: если бы Бунин принимал участие в еврейских погромах или просто в преследованиях евреев, мог ли бы Марк общественно замолчать это или еще больше, поступать так, чтобы все подумали, что Бунин этого не делал? Я ставлю Вадиму <Рудневу> вопрос: если бы Юшкевич занимался в России разгромом церквей и преследованием священников, мог ли бы Вадим укрывать это или говорить слова, которые бы убеждали всех, что он этого не делал? Я спрашиваю так, потому что знаю, что эти вещи особенно волнуют каждого из вас. Быть может, «изъятие ценностей» менее тяжкое преступление, чем преследование евреев или разгром церквей? Я этого не думаю. Во всяком случае знаю, что все несоциалисты воспринимают это как

¹⁷ Там же.

величайшее насилие и преступление, и глубоко огорчаюсь, когда у социалистов возникают какие-либо сомнения в этом вопросе, в особенности в той форме, в какой он разрешался большевиками. Горький повинен в «изъятии ценностей» — как же можно это замолчать или делать вещи, которые всех убеждают, что он в этом повинен? <...> я действительно был морально потрясен тем, что для меня заведомый преступник, имя которого известно всей России и всему миру, благодаря глупому случаю, выходит оправданным и возвышенным. И я искал возможности исправить зло. И был счастлив, когда Х. дал мне абсолютное доказательство преступления Горького и право сослаться на его свидетельское показание. Был убежден, что и вы больше всего страдаете из-за невольной реабилитации заведомого преступника и рады будете открывшейся возможности исправить зло. <...> К сожалению, я ошибался. Совесть ваша была несколько не взволнована; наоборот, вы снисходительно подтруниваете над моей взволнованностью. Вас огорчала только неприятность с журналом, с З. Н. <Гиппиус>, парижская возня и т. д. Позвольте вам сказать с такой же откровенностью, с которой вы пишете мне: вы сами завязли в парижской тине, вы не отличаете большого от малого, и уши ваши не слышат. — Письма, конечно, я не напечатаю. Если вы не слышите, другие наверно не услышат¹⁸.

Тон, заданный Фондаминским по отношению к Горькому, безусловно, чересчур утрирован: «непосредственное участие в тяжких преступлениях против русского народа и всего человечества» — это сильно сказано. Более существенны, чем неуравновешенные оценочные суждения Фондаминского, утверждения фактического характера, лежащие в их основе. В свете приведенных выше писем возникает вопрос о фактической стороне всей этой истории. Итак — имеют ли эти укоры реальную подоплеку? Был ли Горький замешан в «изъятии ценностей» или нет?

Материалы, бросающие свет на участие Горького в деятельности советской «экспертной комиссии» Наркомвнешторга, занимавшейся конфискацией произведений искусства и их продажей за границу, опубликовал еще в 1963 г. в журнале «Новый мир»

¹⁸ Там же.

С. Беляков. Из данной публикации явствует, что Максим Горький в период с февраля 1919 г. по ноябрь 1920 г. принимал деятельное участие в этом деле, более того — эта «экспертная комиссия» была создана по его инициативе. Горький был движущей силой, стоящей за конфискацией художественных произведений в этот период.

Приведем основные документально установленные факты в «советофильском» изложении публикатора Белякова:

В феврале 1919 года А. М. Горький по совету наркома Л. Б. Красина организовал в Петрограде экспертную комиссию для отбора и оценки вещей, имеющих художественную ценность. За два года комиссия под председательством А. М. Горького проделала работу огромной государственной ценности: было собрано большое количество высокоценных произведений искусства, переданных затем в Эрмитаж, в Пушкинский дом Академии наук и другие музеи и хранилища¹⁹.

Подробности работы комиссии обойдем здесь молчанием. Что произошло полтора года спустя, излагает все тот же Беляков следующим образом:

В октябре 1920 года А. М. Горький в письме в Совнарком сообщал, что на складах экспертной комиссии в Петрограде собрано сто двадцать тысяч предметов художественной старинной мебели, картин, фарфора, бронзы, керамики и других вещей на сумму свыше миллиарда рублей золотом (в ценах 1915 года). А. М. Горький рекомендовал часть предметов роскоши продать за границей²⁰.

Сохранилось письмо Горького к В. И. Ленину от 1 ноября 1920 г., посвященное вопросу о продаже ценностей за валюту, в частности, о мерах завуалирования их происхождения во избежание «претензий собственников» — русских эмигрантов. Горький пишет Ленину:

Ввиду того, что появление на рынках Запада значительного количества русских антикварных вещей может вы-

¹⁹ А. М. Горький в экспертной комиссии Наркомвнешторга / Публ. С. Белякова // Новый мир. 1963. № 4. С. 247.

²⁰ Там же.

звать претензии собственников этих вещей и даже эмбарго со стороны враждебных правительств, *следует признать за Экспертной Комиссией право — в порядке исключения — покупки у граждан Советской Респуб[лики] художественных предметов и дать в распоряжение Эк[спертной] Ком[иссии] определенную сумму на сей предмет. Если представятся случаи воспользоваться этим правом, — Эксп[ертная] Ком[иссия] не причинит убытка Республике, ибо вещи, купленные за обесцененные советские бумажки, будут проданы на золото*²¹.

Другими словами, Горький предлагает Ленину применить старый трюк скупщиков краденного — смешать «горячий товар» с товаром легального происхождения и таким образом скрыть происхождение «тыренного». Особо изящным выглядит при этом неприкрытое намерение в ходе официальных закупок «надуть» советских граждан, которые бы продавали ценности, предлагая им взамен «обесцененные советские бумажки», чтобы затем купленный за бесценок товар перепродать за границей по реальной стоимости и в конвертируемой валюте. Чистая совесть выглядит иначе. Если нечего скрывать — нечего вуалировать. Предложенные мероприятия свидетельствуют о совершенно ясном сознании неправомочности всей этой акции конфискации и перепродажи. Указание Горьким на «эмбарго со стороны враждебных правительств» — это «государственный» вариант опасений вора быть пойманным и наказанным.

Предложения Горького понравились Ленину; вождь революции принял немедленные меры и отправил еще в тот же день, 1 ноября 1920 г., записку в малый Совнарком. На следующий день, 2 ноября 1920 г., замнаркомвнешторг (т. е. заместитель народного комиссара по внешней торговле) А. М. Лежава написал Ленину письмо, в котором докладывал об исполнении, сообщая ему, что соответствующие полномочия на покупку произведений искусства уже выданы — причем никому другому как гражданской жене Горького, М. Ф. Андреевой. Лежава сообщал Ленину:

По поводу записки тов. Горького о продаже антикварных предметов считаю этот вопрос улаженным. Тов. Луначарский выдал удостоверение Комиссару Экспертной комиссии М. Ф. Андреевой в том, что она уполномочена,

²¹ Там же.

согласно постановления Совета Народных Комиссаров, производить покупку различных антикварных предметов²².

В том же письме Лежава предлагает издать декрет о «конфискации всего имущества граждан, самовольно покинувших РСФСР»; декрет был принят Совнаркомом 16 ноября 1920 г. Прочитируем фрагмент из этого декрета:

Совет Народных Комиссаров *постановляет*: 1. Объявить собственностью РСФСР все движимое имущество бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, <...>. 2. Из означенного имущества все предметы искусства и старины, имеющие особую художественную и историческую ценность, передать в музеи, университеты и другие просветительные учреждения <...>; все остальное имущество таких граждан обратить в товарный фонд республики²³.

Посредством декрета — ведомственного распоряжения с законной силой — конфискации получили легальный статус.

Как видно, Горький был в самом деле в 1919—1920 гг. глубоко замешан в очень сомнительные мероприятия большевистских властей по добыче денежных средств. Свидетель Фондаминского, кто бы то ни был, обладал очевидно достоверной информацией; Фондаминский имел со своим открытым письмом историческую правду на своей стороне.

Были ли действия Горького, пусть и не совсем легитимные, хотя бы исторически оправданными? Фондаминский заметил в своем письме совершенно справедливо, что вполне мыслима перспектива, из которой имевшая место конфискация имущества может рассматриваться как гражданская заслуга. Такая перспектива, однако, несовместима с попытками завуалирования нелегальных, но полагаемых легитимными действий. Горький же в свое время остерегался разглашать факт своего сотрудничества в «экспертной комиссии» — его репутация писателя и морального авторитета едва ли пережила бы подобное разглашение.

²² Там же. С. 248.

²³ Там же. С. 249.

Рассмотрим в свете представленной «аферы Горького» прочность столь так популярной в России концепции великого, гениального писателя как нравственной инстанции.

Аксиоматическую основу данной концепции выражает афоризм, встречающийся сразу в двух местах маленькой драмы Александра Пушкина «Моцарт и Сальери» — «гений и злодейство / Две вещи несовместные». Первый раз его произносит Моцарт как собственное убеждение; в самом конце пьесы Сальери повторяет высказывание Моцарта, чтобы его затем отклонить — «неправда».

Принятие же данной аксиомы чревато двумя последствиями. Первое из них — что статус гения как бы автоматически порождает нравственную безупречность; признанный гением художник становится неизбежно, так сказать *ex officio*, моральной инстанцией; на мелкие его грехи смотрят сквозь пальцы. Второе последствие — что признанный гениальным художник, избалованный в каком-нибудь действительно серьезном злодеянии, автоматически лишается статуса гения.

Характерное выражение данной позиции в связи с Горьким можно обнаружить в редакционной корреспонденции «Современных записок» с Оскаром Грузенбергом. Знаменитый в свое время юрист и публицист был одним из правозащитников Горького в политических делах, возбужденных царским режимом против писателя. Когда Грузенберг предложил в 1932 г. редакции «Современных записок» свои воспоминания о Горьком, он, по-видимому, получил ответ, что в глазах большинства редакторов воспоминания о морально компрометированном или по меньшей мере запятнанном Горьком в журнале нежелательны. После того обиженный Грузенберг написал 13 октября 1932 г. редактору Марку Вишняку:

Дорогой Марк Вениаминович, я не вижу никакой причины ставить на редакционное голосование, — допустимо или недопустимо поместить статью о Горьком, — притом строго ограниченную *датами 1905—1917 гг.* Как ни охладились мои отношения с Горьким, — однако, в память прошлого, я не могу допустить такого уничтожения одного из величайших русских писателей. Когда наши могилы будут забыты даже родными, о Горьком

будут петь песни, слагаться ле<ген>ды, будут выпускаться капитальные историко-литературные исследования. За<пле>ывание — и притом без *объективных* оснований — разлюбезное дело рос<сийских> групп и партий. Так было с Герценом (украл, де, переданные ему для революционеров деньги), с Некрасовым (шуллер и эксплуататор сотрудников), с Лесковым-Стебницким, с Андреевым, за то, что он редактировал какую-то газету с Чеховым (нововременец) и т. д. Нет, я лучше выпущу о Горьк<ом> книжку. Одно лишь для меня важно: не совершал ли Горький какой-н<ибудь> *низости*: я оч<ень> прошу сообщить мне, если Вы знаете какие-н<ибудь> *факты*: это определит м<ое> отношение к Горькому в будущем, т<ак> к<ак> и талантам не разрешается быть негодьями²⁴.

Последнее предложение — «и талантам не разрешается быть негодьями» — очевидная парафраза сентенции Пушкина. Ответить на вопрос, верно ли утверждение Грузенберга «таланту нельзя быть негодяем» (или пушкинского Моцарта «гений и злодейство две вещи несовместные»), из-за аксиоматического характера этих высказываний возможно по-разному. Или мы соглашаемся, или нет, а отсюда вытекают затем две различные концепции писателя.

Я лично склонен разделять области искусства и моральности. Художники тоже всего лишь люди — а люди делают ошибки, ведут себя иногда подло, совершают иногда преступления. Так или иначе, общество, все еще толком не создавшее институций, где гласно обсуждались и решались бы социальные, политические, моральные проблемы, не находится в слишком комфортабельной ситуации. России сегодня можно лишь пожелать, чтобы в стране наконец возникли полноценные институции формирования общественного мнения, и чтобы она в будущем не нуждалась в писателе как моральной инстанции.

²⁴ Lilly Library. Vishniak papers. F. 46.